

Бабушка с внучкой

Моей бабушке, Галине Борисовне Марковой

Светлана Лютова

- Сейчас купим книжечку... – копается в кошельке бабушка.
- Книжечку?! – оживляюсь я в предвкушении.

Но оказывается, это не то, что я подумала. Снова! «Аптечка!» – открыли недавно при мне старинный шкафчик. «А птичка?» – разочарованно уставилась в него я. Оказывается, это просто «билетики» на троллейбус. Утро. Бабушка «везёт» меня в детский сад. Год 1971-й ... Мимо проезжает машина «Волга», особенно любимая мной за сходство её благородного профиля... с профилем бабушки. (В такой катается мой будущий муж, но я об этом ещё не знаю.) Троллейбус опять застрял в «кармане» на ул. Кравченко, солнце бьёт прямо в глаза. Я закрываю их и под веками созерцаю смутное синеватое сплетение...

– Ба, у меня в глазу – паук...

– ?!! – бабушка уже вернулась и кидает талончики в широкую щель «кассы».

Это что-то вроде огромного ящика для сбора пожертвований (какие я увижу позже). Снизу – металл, сверху спереди – прозрачный пластик. Талончики ещё не компостируют, они – нововведение, их заталкивают в щель, как и монеты (4 к. проезд). Монеты падают со звоном на стальную пластину днища, которая время от времени прогибается под их тяжестью, и всё: и монеты, и талончики – вдруг, гремя, соскальзывает в непрозрачный низ кассы. Я знаю: я уже пассажир 34-го со стажем!

Совершив «пожертвование», бабушка подкручивает колёсико с правого бока кассы, пока не выползает ровно два билетики, которые остаётся только оторвать. Сейчас они пополнят коллекцию в правом кармане моего вязаного (бабушкой связанного) пальто (пальто красное, воротник и круглые накладные карманы – синие!). Билетов у меня уже много, на каждом – шестизначное число. Если сумма трёх левых цифр совпадает с суммой трёх правых, билет считается «счастливым»! Если слева – на единичку меньше, тебя ждёт встреча, если на единичку меньше справа, – плохо: ждёт расставание. Другие варианты значения не имеют, но мне всё равно, я коплю всякие. Оторвав билет, и прочие пассажиры бегло калькулируют свои шансы. Не веря примете, нет-нет, да и улыбнутся, глядишь, обещаю нечаянной радости или встречи.

Меня, пристально наблюдавшую за процессом оплаты проезда, посещает неглупая мысль:

– Ба, а зачем бросать туда что-то, ведь билеты можно просто так оторвать? – и правда: «ящик для пожертвований» и механическая билетная катушка на его боку никак не соотнесены, система действует на доверии.

– А потом посчитают, – спокойно отзывается бабушка, – сколько в кассе денег и сколько было билетов. Если денег окажется меньше, недостачу потребуют с водителя.

Я молчу, потрясённая: чуть было не подвела под монастырь водителя, ни в чём не повинного, своей дурацкой затеей!

И восемь лет спустя (шесть из которых бабушки не будет на свете) я стану неодобрительно коситься на ритуальный взблеск над кассой алых коготков девичьей ручки, кидающей в кассу пустоту – прежде чем оторвать билет! Уже почти убеждённая приятельницей в том, что водитель ответственности не несёт, я всё равно билеты «за так» отрывать не стану, лучше прокачусь «зайцем». Верила ли сама бабушка в то, что мошенник подставит водителя?

* * *

В детском саду сегодня – новые настольные игры. Одна из них – мозаика: составляя картинку, лунки поля нужно заполнить разноцветными металлическими шариками. Они такие чудные – гладкие, тяжёлые, каждый блестит полупрозрачным лаком! Перед вечерней прогулкой я захватываю их целую горсть и незаметно ссыпаю в кармашек пальто, прямо в гущу троллейбусных билетов!

– Кто взял шарики? Верните, я вас ругать не буду! – просит на улице «Раисыванна» (Раиса Ивановна), что-то быстро обнаружилась пропажа...

Все молчат. Я молчу тоже. На том расследование и завершается.

Дома я демонстрирую бабушке своё сокровище, но она восторгов моих не разделяет, велит на следующий же день вернуть добычу туда, откуда взяла. И словно забывает о шариках. А я люблюсь ими, жалея, что обладанию положен предел! Я раскладываю их в отверстия телефонного диска (шарики как раз подходят по размеру!) и снова зову бабушку, мечтая поделиться с ней наслаждением этой радугой! Бабушка отказывается смотреть.

– Ну, почему?! Ведь завтра я отнесу их на место, хорошо! Но сейчас-то, пока они всё равно здесь, ты можешь посмотреть, как красиво?! – в отчаянии я.

– Краденое не может быть красивым, – ровным тоном и с полной убеждённой уверенностью отвечает бабушка, продолжая чем-то своим заниматься.

Констатация факта! Ни поступок мой, ни, тем более, моя персона никак не оцениваются. Выводы, видимо, – моя задача, задача моего будущего. Так бабушка меня воспитывала.

* * *

Окончив школу году в 1930, бабушка подала документы на мехмат МГУ. И уже сдала вступительные на одни пятёрки, как вдруг (почему-то внезапно) выяснилось, что принять её на дневное не могут, потому что у неё нет необходимого рабочего стажа. Бабушка, видно, обиделась и поставила на Университете жирный крест, поступила в техникум. Между техникумом и Текстильным институтом, который она закончила в 1941 г., бабушка работала начальником цеха на чулочной фабрике где-то в Сокольниках (ровно над крышами этой фабрики, теперь снесённой, поезд метро выныривал из тоннеля).

К этому времени, к середине 1930-х годов, относится рассказ мамы, видимо, со слов её отца. Сначала похоже на анекдот: выбирая себе чулки, бабушка всегда справлялась, где они сделаны, чтобы как-нибудь случайно не купить изделия собственной фабрики и не дать тем самым кому-нибудь повода заподозрить себя в краже с родного предприятия (никто из её коллег подобной щепетильностью при покупке чулок не страдал)! Но вот одну из работниц цеха заподозрили в отсутствии всякой щепетильности: ворует, дескать, она фабричные чулки на продажу! Как начальник цеха бабушка знала, в какой день грянет проверка. Знала и то, что работница эта, одинокая многодетная мать, едва сводит концы с концами. И вот, при всём отвращении к воровству, бабушка нашла в себе силы утром назначенного дня подойти к той женщине и сказать: «То, что ты делаешь, сегодня не делай!». Облава не дала результатов.

* * *

Бабушки уже несколько лет как не было, я гуляла цветущим июнем по переулку между садовых участков, что были в «доисторические» 1950-е годы, я знала это, распределены между преподавателями Текстильного института (тогда наши шесть соток и достались бабушке). Какая-то старушка в очках, «простая», любопытствовала: «Ты чья, девочка?». «Маркова!» – помешкав, назвала я не свою, а бабушкину фамилию, сообразив, что только такой ответ может иметь смысл в контексте данного места.

– Ма-аркова, – с уважением протянула чужая старушка, – и через несколько секунд: – Справедливая была... Галина Борисовна!